

УДК 94(470.67)08

**СОЦИАЛЬНАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ» В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ
В 20–30-е ГГ.ХХ В.: ПОЛИТИКА, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ**

Г.А. Искендеров

Институт ИАЭ ДНЦ РАН

ihae_dnc@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы социально-классовой структуры села 20–30-х гг. ХХ в., особенностей имущественного и социального расслоения крестьянства, основных форм социально-экономических отношений и связей внутри села, а также между селом и народно-хозяйственной системой в целом. В статье анализируется богатый фактический материал, в основном извлеченный автором из государственного архива, опубликованных источников и исторической литературы последних лет; опираясь на эти материалы, автор освещает узловые проблемы коллективизации сельского хозяйства в республике, дает объективную и всестороннюю оценку рассматриваемых процессов и явлений.

Abstract: The article deals with the problems of social and class structure of the village in the 20–30s of the 20th century, peculiarities of property inequality and social differentiation of the peasantry, main forms of social and economic relations and ties within the village, as well as between the village and national economic system as a whole. The author of the article analyzes rich factual material, mainly extracted from the state archive, published sources and historical literature of the recent years. Basing on the material, the author highlights key problems of collectivization of agriculture in the republic and makes an objective and comprehensive evaluation of these processes and phenomena.

Ключевые слова: социальное, экономика, классовые отношения, классовая борьба, крестьянство, кулачество, коллективизация, структура, земельный вопрос, кооперация, налог, хлебозаготовки.

Keywords: social, economy, class relations, class struggle, peasantry, kulaks, collectivization, structure, land issue, cooperation, tax, corn storage.

Проблемы социальных преобразований относятся в первую очередь к вопросам взаимодействия общества и власти и, наоборот, власти и общества. Они могут рассматриваться с разных позиций: политических, институциональных и им подобным, которые давно разрабатываются в исторической науке.

Классическим примером таких походов служила советская историография, где смысл и содержание происходивших в стране процессов сводились к руководящей роли партии коммунистов, которые, придя к власти в октябре 1917 г., направили свои усилия на строительство социалистического общества (социализма).

В трудах советских историков предстает целенаправленное создание партией новых государственных и общественных институтов, последовательное осуществление экономических, социальных, культурных преобразований на благо общества, причем партия выступает здесь как особый, «священный» политический институт, который в своей стратегической («генеральной») линии не допускает никаких ошибок и отклонений, беспощадно расправляясь с врагами и противниками социализма. Любые жертвы и испытания, которые пришлось пережить обществу на этом пути, проводимая властью политика по отношению к различным классам и социальным группам оправдывались высшей целью – движением к социализму. Советские историки на все лады доказывали, что действия власти были единственно возможными, разумными и обоснованными. Сегодня, после крушения социализма в стране, этот идеологический стержень оказался вынутым, и советская историография рассыпалась (Соколов А.К., 2002. С. 103).

Большая часть историков ныне строит свои исследования по принципу *ad contra*. В исторических трудах отчетливо обнаруживаются следующие тенденции. Авторы вовсю стараются: 1) доказать незаконность и нелегитимность установления советской власти, всячески дискредитировать ее лидеров; 2) «задним умом» продемонстрировать неразумность и абсурдность действий большевиков в области экономики, политики, культуры, национальных отношений; 3) разоблачить как можно больше их преступлений и злоупотреблений; 4) показать, сколько возможностей было упущено на пути более разумного общественного устройства. Общую направленность таких исследований можно определить примерно так: одержимые утопическими представлениями и жадной власти безответственные политики в лице большевистских лидеров только и делали, что «мордовали» людей, и вместо социализма построили ГУЛАГ, т.е. советскую тоталитарную систему. Кажется, что с таким подходом мы заходим в тупик и не можем выпутаться из бесконечных, порой бесплодных дискуссий (Соколов А.К., 2002. С. 104) Цель нашего сообщения – попытаться наметить пути более объективного и научно обоснованного взгляда на происходившие в тот период преобразования в рамках *социальной истории* в дагестанском ауле в 20–30-е гг. XX в.

Социальная история сегодня понимается прежде всего как история общества (организация производства, жизнедеятельности, власти, управления и т.д.), а не как некое обособленное направление исследований. При таком понимании все остальное в общественной жизни – экономика, государственные институты, культура и пр. рассматриваются как производные. Складывающиеся социальные структуры тоже вырастают из истории общества со свойственными им особенностями, коренящимися в прошлом.

Таким образом, в центре изучения оказывается дагестанский сельский социум XX в., но не как абстрактное понятие, а как живой социальный организм, состоявший из конкретных людей, людских объединений и классов.

Мы переживаем время, когда открылись реальные возможности подлинно научного, объективного и всеобщего исследования недалекого прошлого, возрождения в памяти долгие годы умалчиваемых многочисленных исторических событий в дагестанском ауле, особенно периода 20–30-х гг. XX в. Необходимо не только восстановить историческую истину, но и показать взаимосвязь протекавших в то время социально-экономических процессов, их общую обусловленность историческим выбором пути развития, избранного большинством народа в то сложное и противоречивое время.

Среди многочисленных проблем, привлекающих сегодня внимание ученых и публицистов, одна из самых актуальных – аграрная политика партии и государства, решение земельного вопроса, особенно в национальных районах страны.

Это и понятно, ведь речь идет о политике, затрагивающей интересы крестьянства, составлявшего к началу XX в. подавляющее большинство населения страны, в частности, в Дагестане (согласно переписи 1897 г. в Дагестанской области проживало 586,6 тыс. человек, из которых 94,6% составляли крестьяне), о политике, с которой связаны как несомненные достижения, так и немало ошибок, просчетов, пережитков, имевших порой трагические результаты и продолжающих поныне влиять на положение дел в жизненно важной отрасли экономики страны (Искендеров Г.А., 2004. С. 131).

Естественно, что становление новых экономических отношений, социально-классовая политика государства, проведение массовой коллективизации, как и во все времена при проведении глубоких преобразований, не могли не вызвать недовольства и сопротивления какой-то части населения, в данном случае крестьянства. Более того, об этом за последние годы немало написано, и это вошло в новую концепцию истории крестьянства и сельского хозяйства. Слабым звеном в историографии этой сложной проблемы остается освещение диапазона форм и методов борьбы горского крестьянства, который был весьма широк, начиная от скрытых форм неповиновения и кончая открытыми протестами, вплоть до вооруженных восстаний.

Сегодня нельзя не признать, что принципы подхода к проблеме коллективизации в Дагестане, выводы и научные прогнозы, содержащиеся в работах многих историков, экономистов и публицистов, касающихся социально-экономических укладов аула в 20–30-х гг., методики определения численности, удельного веса, экономической мощи крестьян разного достатка, изучения динамики их развития, методов и форм осуществления землеустройства, особенно земельно-водной реформы в республике, под давлением официальных концепций, складывающихся в науке, оказались не всегда обоснованными и востребованными.

На социальную активность крестьянства и на его позицию по отношению к властям оказывало сильное воздействие социальное неравенство дагестанцев, что хорошо видно по данным о распределении земель, которое наиболее ярко было выражено в равнинных районах. В Хасавюртовском, Темир-Хан-Шуриновском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах 1062 крупных собственника имели 516 тыс. десятин земли или столько же, сколько 85759 крестьянских хозяйств. Батрацко-бедняцкие слои составляли 69% населения Дагестанской области. В 1917 г. 34,4% крестьянских хозяйств не имели рабочего скота (ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 268. Л. 27).

К началу 1920-х гг. до 60 тыс. дагестанцев большую часть года находились в сфере капиталистического промышленного производства. И это обстоятельство не смогло не оставить глубокого следа не только в их психологии, но и на всем укладе жизни тех аулов и округов, откуда они уходили и куда возвращались ежегодно. Разрушая патриархальную замкнутость жизни, обнажая истинные отношения между классами, ослабляя приверженность крестьян к своему «родному» уголку, отход в города втягивал их в водоворот политической и общественной жизни России.

Примеров, свидетельствующих о политической и экономической активизации борьбы горского крестьянства за землю, можно привести много. Всего с марта 1917-го по март 1918 г. в Дагестане было 112 крестьянских выступлений, направленных на захват помещичьих и кулацких земель (Османов Г.Г., 1965. С. 162).

Во второй половине 20-х гг. дагестанское кулачество только сверх трудовой нормы продолжало владеть 207 тыс. га земли, не считая других средств производства. Если в среднем по Дагестану на крестьянское хозяйство приходилось около 5 га земли, то земельные наделы кулацких хозяйств превышали этот средний показатель почти в 7 раз. Составляя около 5% крестьянских хозяйств, кулаки сосредоточили в своих руках свыше 14 % земли, в то же время бедняки, составляющие почти половину крестьянских хозяйств, владели около 30% земли (История советского крестьянства Дагестана. Т.1. С. 185).

Если по стране к концу 1927 г. кулацкое землепользование сократилось (без Сибири, Дальнего Востока и некоторых районов Кавказа) в 10 раз, то дагестанское кулачество сумело расширить свое землепользование за счет скупки земель у крестьян, особенно в неблагоприятных для сельского хозяйства по климатическим условиям 1921–1924 гг. Такая же картина наблюдалась и в традиционной животноводческой отрасли горного края, где значительная часть поголовья скота была сосредоточена в руках небольшой группы хозяйств. В 1929 г. 32% овцеводческих хозяйств владели 66% всего поголовья мелкого рогатого скота.

Конечно, было бы наивным полагать, что такие крупные для дагестанских условий того периода хозяйства, к тому же основанные на ручном труде и примитивной сельхозтехнике, можно было бы вести, опираясь только на собственные силы, без применения наемных рабочих, без эксплуатации чужого и дешевого труда. И безземельные и малоземельные хозяйства, занимавшие высокий удельный вес в дагестанском ауле, обеспечивали их необходимой и дешевой рабочей силой. Тем более, в 1928 г. насчитывалось, не считая бедняцких, более 37 тыс. батрацких хозяйств, или около 135 тыс. батраков, составлявших 21,2% всего крестьянства. (ЦГА РД. Ф. 127-р. Оп. 5. Д.62. Л. 250).

Для бедняцких и батрацких хозяйств было характерно отсутствие рабочей тягловой силы, поэтому, даже имея землю, хозяйствовать самостоятельно они не могли, находились в сильнейшей зависимости от зажиточных слоев аула, в особенности от кулачества. Собственный опыт ведения хозяйства в начале 20-х гг., в условиях новой экономической политики, показал им, что у них нет реальной перспективы в одиночку вырваться из слоев нищеты и кабалы. Бедняцко-батрацкие слои аула увидели выход для себя в переходе к коллективным формам хозяйствования на земле. Они стали той социальной силой, которая активно поддержала массовую коллективизацию.

Преобразования такого масштаба, каковым являлась коллективизация сельского хозяйства, невозможно было провести, не опираясь на какую-то социальную базу на селе. А таковой социальной базой могла быть в основном только бедняцко-батрацкая часть села (примерно 1/3 сельского населения). Для них была характерна безлошадность, а без лошади в тех условиях вести нормальное сельское хозяйство было невозможно. Даже имея землю, «безлошадные» хозяйствовать самостоятельно не могли и, как правило, находились в зависимости от зажиточных слоев села. Такое положение трудно было изменить в одиночку; для них, т. е. для бедняцко-батрацкой массы, объективно выход был в объединении. В их среде встречались люди, подверженные антиколхозным настроениям, в том числе и откровенно прокулацким («подкулачники»), но таковых было явное меньшинство. В целом же именно бедняцко-батрацкая

часть сельского населения и стала той социальной базой, на которую в основном опирались и при коллективизации, и при ликвидации кулачества.

Бедноте предоставлялись льготы при вступлении в кредитную кооперацию: например, для них был установлен уменьшенный пай, причем государство оказывало материальную помощь на его внесение. Оказывалась им помощь и в получении сельскохозяйственного кредита. Так, государство гарантировало определенные суммы для кредитования бедняков. Были установлены для них льготы по проведению землеустройства, по отпуску леса и т.п.

Накануне коллективизации вновь разрастается культ бедноты, рассматриваемой в качестве социальной опоры советской власти в деревне. Между тем в результате наделения крестьян землей, помощи советской власти, развития крестьянской кооперации и т.д. социальный состав крестьянства существенно изменился. Если до революции на бедняцкие хозяйства приходилось 65%, а середняцкие – 20% всех крестьянских хозяйств, то накануне сплошной коллективизации, в 1928 г., хозяйства бедняков составляли 35%, а середняков – уже 60% (по некоторым расчетам, даже около 70% при соответственно меньшей доле бедняков). Среди бедняков, после того как значительная часть из них, использовав открывшиеся возможности хозяйственного развития и повышения жизненного уровня, перешла в разряд середняков, явно стали преобладать те, кто не имел навыков и желаний к упорному крестьянскому труду.

Можно было бы предположить, что беднота потянется к коллективным формам хозяйствования, ибо кооперация экономически поддерживалась советской властью, а объединение крестьянских средств производства при общей их недостаточности в хозяйствах бедноты помогало преодолевать тяготы борьбы за экономическое выживание. Именно на беднейшие слои крестьянства обращались взоры руководителей партии и правительства, когда речь заходила о производственном кооперировании крестьян ...

Но беднота, как это ни покажется парадоксальным, проявляла меньшую, чем другие слои крестьянства, склонность к объединению вообще, включая так называемую простую кооперацию. Так, по результатам обследования аула 1927 г. установлено, что пролетарские хозяйства, которые составляли 8% всех хозяйств, были кооперированы на 16%, а их доля во всем кооперированном секторе не превышала 4%. Средняцкие хозяйства, составлявшие 64,9% всех хозяйств, в кооперации занимали 73,8%, и наконец, 3,9% хозяйств, на которые (по официальным данным) приходились кулацкие хозяйства, занимали среди кооперированных хозяйств 5,6% (ЦГА РД. Ф.37. Оп. 9. Д. 21. Л. 35).

Отмечая это, XV съезд ВКП(б) указал на необходимость предоставления бедноте дополнительных льгот с целью вовлечения ее в кооперацию.

Почему же именно беднота, а не середняки, представлявшие подавляющее большинство крестьянства, главную экономическую силу в деревне, была избрана в качестве основного проводника хозяйственной и социальной политики на селе?

Очевидно потому, что с ее помощью можно было направить острие фискальной политики государства против основных масс крестьянства.

Именно в этот период вся беднота (35% крестьянства) была освобождена от налогообложения. В 1926 г. был учрежден специальный фонд кредитования бедняков.

Проявление культа бедноты, именуемого классовым подходом к аграрной политике, можно было видеть во многих мероприятиях второй половины 20-х годов. Так, на Северном Кавказе распределение семенных ссуд происходило следующим образом: беднякам – 86,3%, середнякам – 13,6, зажиточным – 0,1%. По поводу такого распределения М. Калинин резонно заметил, что в основу распределения должен быть положен прежде всего не собесовский, а производственный принцип, ибо некоторые из тех, кому регулярно выделяются семенные ссуды, столь же регулярно проедают их и, естественно, не возвращают ссуды.

Неразумность культа бедноты с точки зрения как социальной, так и экономической была очевидной и для трудового крестьянства, эффективно хозяйствующего на земле.

Культ бедноты глубоко проник в сознание и утвердился в жизни. В автобиографиях, анкетах по учету кадров в графу о социальном происхождении обычно с гордостью заносилось «из крестьян-бедняков», словно это уже прибавляло что-то значительное к положению в обществе выходца из такой семьи.

Об отношении власти к различным слоям крестьянства свидетельствует содержание проекта постановления СНК об обложении сельских хозяев натуральным налогом:

1. богатого крестьянина не экспроприировать, а обложение справедливое, сильное.
2. среднее крестьянство – мягкое обложение.

3. бедное – никакого ...

В создавшихся трудных условиях 1928–1929 гг., связанных с чрезвычайными мерами при хлебозаготовках, органы власти привлекали к судебной ответственности не только кулацкие, но также и середняцкие хозяйства с конфискацией наряду с товарными излишками и некоторых запасов хлеба. Хлебозаготовки стали основным направлением аграрной государственной политики накануне коллективизации. Нельзя признать нормальным, что чрезвычайные меры приобрели в те годы систематический характер и означали возврат к продразверстке.

Пленум Дагестанского обкома партии, состоявшийся в ноябре 1929 г., отметил искривления заготовительной политики партийными и советскими организациями республики. Эти искривления заключались «... в допущении (в отдельных районах) перегибов в сторону разверстки до середняцких хозяйств, попыток перехода к товарообменным операциям и слабого воздействия на кулацкие хозяйства, вследствие недостаточного проверенных и ясных указаний со стороны регулирующих и заготовительных организаций».

В продовольственные и заготовительные органы пробирались порой грубые элементы, попадали бюрократы, равнодушные, нечестные, неспособные люди.

Так, в Ботлихском районе заготовки были заменены реквизицией. Без какой-либо разъяснительной работы здесь требовали к определенному сроку сдать строго установленное количество хлеба, фруктов, шерсти, иначе грозили наказанием. Главным методом в проведении заготовок были обыски, подрывавшие авторитет советской власти, вызывавшие законное возмущение трудового населения. В селении Тлох уполномоченные ночью с фонарями обыскивали все хозяйства в поисках фруктов. Вся кампания по заготовке хлеба и шерсти была проведена путем обысков и обходов, не исключая бедняцкие и середняцкие хозяйства. Ко всему этому несколько кампаний, как хлебозаготовка, шерстезаготовка, сельхозналог и пр., проводились одновременно. Это вызывало недовольство горского крестьянства (ЦГАРД Ф. 1-п. Оп. 9. Д. 165. Л. 57).

В январе 1930 г. в 7-ми округах Дагестана (Аварском, Андийском, Буйнакском, Гунибском, Даргинском, Кизлярском и Хасавюртовском) были проведены оперативные мероприятия по недопущению срыва заготовительных мероприятий органов власти. Был установлен 351 человек, выступавший против хлебозаготовительной кампании. Основной причиной таких выступлений послужили дополнительные планы хлебозаготовок. Иногда задание превышало возможности, являлось не только несправедливым, но и просто невыполнимым. Так, в сел. Мюрего Коркмаскалинского района после выполнения плана хлебозаготовок в 1000 пудов, дополнительно добавили план еще в 1500 пудов. В результате невозможности выполнения дополнительного плана хлебозаготовок и отказа было арестовано 6 середняков. В Ачикулакском районе планы хлебозаготовок значительно превышали собранный урожай. Несмотря на это, проводилось изъятие имущества крестьян за невыполнение хлебозаготовительных заданий.

По данным на 15 ноября 1929 г., с начала хлебозаготовительной кампании Дагестанским отделением ОПТУ было арестовано 102 человека, из них за антисоветскую, антиколхозную агитацию – 28, за террористические действия – 32, спекулянтов и перекупщиков – 37. По социальному составу арестованные распределялись следующим образом: кулаков – 58, середняков – 28, бедняков – 8, прочих – 2 (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 10. Д. 72. Л. 46).

С целью привлечения бедняцко-середняцких масс к выявлению хлебных излишков у зажиточных слоев аула беднякам и середнякам разрешалось выдавать до 25 % конфискованного кулацкого хлеба.

Кроме того, государство отпускало на хлебозаготовительную кампанию промышленные товары, предназначенные хлебосдатчикам.

Были ужесточены меры по соблюдению основных установок Советской власти о классовом подходе к реализации положения о выдаче промышленных товаров при хлебозаготовках: беднякам в расчете 70% от стоимости сданного хлеба, середнякам – 60% и кулакам – 20%. На хлебозаготовки только для 10 районов было выделено промтоваров на 700 тыс. руб. (Красный Дагестан, 1929).

Постепенно произошли изменения в настроении трудящихся масс крестьянства, которое, убедившись, что кулацкий саботаж хлебозаготовок угрожает голодом не только городу, но и аулу, особенно потребляющих горных районов, поддержало борьбу с кулачеством. «Выжидая кабальных цен на хлеб, кулаки до сего времени не выносят на рынок свои хлебные запасы – отмечала в 1929 г. конференция крестьянской бедноты Левашинского района. – Эти запасы у некоторых кулаков могут исчисляться 1000 пудами. Просим правительство изъять хлебные

излишки у кулаков за твердые цены и этим усилить снабжение трудящихся хлебом» (ЦГА РД. Ф.1-п.Оп. 9. Д. 72. Л. 24).

Все это обеспечило успех заготовительной кампании 1929 г. На 1 января 1930 г. план хлебозаготовок по Дагестану был выполнен на 121% (Красный Дагестан, 1930).

В последующие годы сопротивление крестьян заготовительным компаниям в республике несколько убавилось, но продолжались многочисленные случаи срыва плана хлебозаготовок.

В связи с этим следует сказать об одном законе, который обрушился на крестьян как «карающий меч» сталинских репрессий.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной собственности», ставший для крестьян «законом о пяти колосках». Этим законом колхозное и кооперативное имущество приравнивалось к имуществу государственному за хищение которого полагалось 10 лет тюремного заключения и даже смертная казнь без права применения амнистий.

Сталин говорил, что без этих драконовских мер невозможно было укрепить новый советский строй.

Согласно этому закону в целом по стране было осуждено 103 тыс. человек, из них к высшей мере наказания приговорено 4880 чел., к 10 годам – 26086 чел. (Зеленин И.Е., 2006. С. 25)

Решение хлебной проблемы властные структуры видели в переводе мелкокрестьянского хозяйства на путь объединения в крупные коллективные хозяйства. В первое время предпринимались шаги к тому, чтобы развитие колхозного движения шло по пути – от простейших к более сложным формам становления коллективных хозяйств, без излишнего их форсирования. Однако после ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б) развернулось своего рода «социалистическое соревнование» областей и республик по организации колхозов, в стороне от которого не остался и Дагестан.

Только за три месяца 1929 г. (октябрь–декабрь) количество колхозов здесь увеличилось с 313 до 425, а хозяйств в них – с 3,3 до 9,1%, что опережало плановые наметки более чем в два раза. Особенно высокие темпы коллективизации были отмечены в начале 1930 г., хотя в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» Дагестан был отнесен к третьей, потребляющей группе районов, для которой в отличие от других районов, не устанавливались сроки завершения коллективизации и можно было не торопиться переходить к массовой организации колхозов, тем более в форме сельскохозяйственной артели.

Однако под влиянием общей обстановки в стране, характеризовавшейся форсированием организации колхозов, в республике возобладала тенденция завершить коллективизацию наравне с передовыми по темпам колхозного движения зерновыми районами. Разъяснительная работа на местах стала сводиться к административному нажиму, демагогическим обещаниям. В выступлениях даже тех партийных и советских руководителей, которые в 1929 г. предостерегали от насильственных методов и спешки при организации колхозов, появились призывы усилить темпы коллективизации крестьянских хозяйств Дагестана, не считаясь с социально-экономическими и естественно-географическими особенностями его различных зон.

По данным за два месяца (с 1 января по 1 марта) 1930 г., в колхозы вступило более 37 тыс. крестьян, уровень коллективизации по республике поднялся до 30%. Но имелись районы с еще более высокими темпами коллективизации (ЦГА РД. Ф. 428-р. Оп. 3. Д. 15. Л. 11).

По весьма точному определению И.В. Сталина, «сплошная коллективизация» – это «революция сверху», поскольку «была произведена сверху, по инициативе государственной власти».

В высокогорном Чародинском районе к 1 марта 1930 г. было коллективизировано до 99% крестьян, хотя район к тому времени не имел какого-либо опыта по части организации колхозов. Кахибский район, где еще в октябре 1929 г. не было даже простейших производственных объединений, в начале 1930 г. был объявлен районом сплошной коллективизации. Многие из них создавались под большим давлением местных органов власти, насильственными методами, с многочисленными и грубейшими нарушениями законности. Крестьян, не желавших вступать в коллективные объединения, относили к числу кулаков или подкулачников, лишали льгот по сельхозналогу, избирательных прав как настроенных против политики советской власти.

Пользуясь тем, что такая политика органов власти вызывала недовольство части крестьянских масс, зажиточные слои аула и духовенство призывали к открытому выступлению против мероприятий власти, в результате чего часть середняков колебалась и подчас становилась на их сторону. Под влиянием агитации отдельные крестьянские сходы и собрания отказывались от создания колхозов, противодействовали заготовительным кампаниям, переходили к острым

формам классовой борьбы: нападали на коммунистов, аульских активистов, представителей органов власти, продработников и затем избивали и даже убивали их. (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д.48. Л. 571).

В своей антиколхозной агитации зажиточные слои аула стремились сыграть на религиозных чувствах людей, и в этом они имели полную поддержку мусульманского духовенства, которое также проповедовало искаженные представления о колхозах. В Дербентском районе в сел. Великент кулаки и муллы распространяли слухи, что колхозникам будет запрещено верить в бога, в колхозе жены и дети будут общие, хлеб будет выдаваться из общей пекарни и колхозникам запретят печь хлеб дома (Красный Дагестан, 1931).

Благотворное влияние на настроение крестьян оказали вовлечение их в производственный процесс, а также реализация экономических льгот, определенных правительством для колхозов, в сравнении с единоличными хозяйствами. Следует также отметить, что конфискованные у кулаков имущество и средства производства подлежали передаче по соответствующей оценке колхозам в их неделимые фонды в качестве новых взносов батрачества и бедноты.

Начиная с августа–сентября 1933 г. в настроениях крестьян происходят существенные сдвиги. Экономические успехи колхозов породили волну энтузиазма, той крестьянской радости, которую испытывает трудящийся крестьянин, если хозяйственный год оканчивается благополучно, улучшается постепенно материальное положение семьи.

Результаты обследования 25% колхозов равнинных районов, проведенного осенью 1933 г., показали, что производительность труда в хозяйствах по сравнению с 1932 г. выросла на 9,3%, а число выработанных трудодней – на 37,7%. Если в 1932 г. в обследованных колхозах на одного трудоспособного было выработано в среднем 109 трудодней, то в 1933 г. – до 135 трудодней. Оплата на один трудодень с 2,94 кг зерновых в 1932 г. возросла до 8,69 кг в 1933 г.

К началу 1935 г. в республике было коллективизировано 30% крестьянских хозяйств. Вместе с тем горные районы Дагестана по темпам коллективизации продолжали отставать от равнинных. Здесь был взят курс на создание простейших производственных объединений по животноводству, полеводству и садоводству как наиболее доступных и понятных для широких масс горцев форм коллективизации, встреченный ими с одобрением.

Улучшение материального благосостояния колхозников подводило черту под сомнения и колебания крестьян-единоличников.

Возросшее доверие к коллективным формам ведения хозяйства явилось в дальнейшем для значительной части горцев главным мотивом в их желании вступить в колхозы. В 1937 г. в колхозах было объединено 86,9% всех крестьянских дворов, хотя еще оставались единоличные хозяйства. Однако их сознание и образ жизни все более зависели от окружающей среды и они все больше осознавали, что для них оставался один путь – в коллективное хозяйство, что соответствовало общему руслу социально-экономических преобразований.

В литературе последнего времени прослеживается тенденция абстрагироваться от фактора неоднородности крестьянства и различающейся ментальности отдельных его групп, а этого делать не следует иначе картина получается, мягко говоря, не совсем соответствующая исторической правде.

В свете этого следовало бы воздерживаться от абсолютизации определения «революция сверху» применительно к коллективизации. Миллионные массы «низов» тоже имели к ней отношение. В крестьянской среде было (и немало) настоящих энтузиастов колхозного движения. Трактовку коллективизации как исключительно «революции сверху» мы расцениваем как поверхностную, одностороннюю. Более того, такая трактовка существенно искажает реальную картину.

В литературе трудно найти ясное и вразумительное объяснение того факта, почему, несмотря на негативное и скептическое отношение большинства крестьян к колхозам, тем не менее к 1936–1937 гг. коллективизация практически завершилась с почти полным охватом сельского населения колхозно-совхозной системой. Основной постулат советской литературы, что это якобы произошло вследствие осознания крестьянами преимуществ колхозного строя, явно грешит лукавством и, по крайней мере, к $\frac{3}{4}$ крестьянства не применим. Нельзя признать приемлемым и распространенным в литературе и публицистике новейшего времени тезис о том, что крестьяне были загнаны в колхозы в результате главным образом карательно-репрессивных мер, чуть ли не под дулом пистолета.

По нашему убеждению, главное объяснение того, что почти все сельское население оказалось в колхозах и совхозах, следует искать в сфере *фискально-экономической*. С одной стороны, это были объявленные налоговые льготы для колхозов и колхозников, а с другой, – постоянное усиление налогового пресса на единоличников.

В процессе *удушения единоличных хозяйств* важную роль сыграло состоявшееся 2 июля 1934г. совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации, на котором выступал с речью И.В.Сталин. Он объявил о начале нового, завершающегося этапа коллективизации. Предлагалось перейти в «наступление» на единоличника путем усиления налогового пресса, ограничения землепользования и т.п. В августе–сентябре 1934 г. были повышены ставки сельхозналога с единоличников и, кроме того, введен для них единовременный налог, а также на 50% увеличены нормы обязательных поставок продукции государству по сравнению с колхозниками.

С этими налогами и обязательными поставками и колхозникам – то было сложно справиться, и они не всегда справлялись, а единоличники ведь должны были поставлять на 50% больше! При такой налоговой и фискальной политике вести единоличные хозяйства стало совершенно невозможно. Для единоличников в хозяйственном плане это было равносильно смертному приговору. Для них, единоличников, оставалось два выхода: либо бежать в город и устраиваться на заводы, фабрики и другие предприятия, либо идти в колхозы. Третьего пути практически не было.

Каждая семья, вступающая в колхоз, должна была писать заявление с просьбой о приеме, где обязательно указывалось, что они вступают в колхоз добровольно, или по своей воле. Так что юридически все это оформлено как добровольное волеизъявление крестьянства. Но исследователи, конечно, имеют право на собственные мнения на этот счет. Соглашаясь с мнением многих исследователей, что коллективизация применительно к большинству крестьянства была насильственной, мы исходим из того, что усиление налогового пресса на единоличные хозяйства, служившего основным побудительным мотивом для вступления в колхозы, являлось формой насилия. Однако часть крестьян вступала в колхозы вполне добровольно, связывая с ними свои жизненные перспективы и надежды.

Не следует изображать дело так, что проведение радикальных социально-экономических преобразований в ауле вопреки воле и желанию большинства крестьян будто бы является большевистским изобретением.

Такой подход к крестьянству находится в русле многовековых российских традиций. В эпоху крепостного права и после его отмены земельные отношения регулировались посредством административного ресурса, а любые протестные проявления подавлялись по преимуществу мерами карательного характера. Такие острейшие протестные проявления, как разинщина или пугачёвщина, в природе происхождения которых далеко не последнее место занимало недовольство существующими земельными отношениями, подавлялись с особой жестокостью.

В современной литературе высказывается ряд оригинальных идей, и некоторые из них, мягко говоря, озадачивают. Чего стоят, например, определения, что система колхозов и совхозов есть якобы агро-ГУЛАГ. Полагаем, не нужно объяснять, что такое ГУЛАГ и что такое организация сельскохозяйственного производства в форме колхозов и совхозов. Это же совершенно разные вещи. По нашему убеждению, подобные псевдоноваторские идеи следует решительно отметить как несостоятельные.

Довольно странно звучат также призывы вернуться к системе мелких единоличных хозяйств, существовавших до коллективизации. По всем канонам экономической науки колхоз при всех его недостатках по сравнению с мелким единоличным хозяйством – это значительно более передовая, более прогрессивная форма сельскохозяйственного производства.

Вопросов вокруг проблемы коллективизации и образования колхозно-совхозной системы существует много. Что это такое? То ли это историческая ошибка? Или, наоборот, это нечто закономерное, прогрессивное? Или, может быть, это причудливый синтез того и другого? И масса других вопросов.

Изучение этой проблемы необходимо также и в контексте перспектив развития современного сельского хозяйства. Хотя в обозримом будущем фермерские хозяйства и будут развиваться, но не думаем, что они будут доминировать. А доминировать будут, как представляется, акционерные сельскохозяйственные предприятия, как правило, на базе бывших колхозов и совхозов.

Все это обуславливает повышенную актуальность проблемы коллективизации и ее последствий в судьбах нашего народа (*Земсков В.П.*, 2004. С. 120).

С учетом упомянутого выше радикального расширения и обогащения источниковой базы еще предстоит написать обобщающие монографические исследования (индивидуальные и коллективные). Есть здесь место и для подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Нарботки советской историографии ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов – все, что в ней есть полезного, надо использовать.

Самое сложное состоит в выработке новых концепций проблем коллективизации, колхозно-совхозной системы и их места в рамках командно-административной системы и, еще шире, их места в истории нашей страны в целом. Мы употребляем слово «концепции» во множественном числе, так как выработка какой-то одной согласованной концепции невозможна ввиду очевидного плюрализма мнений, различия в подходах и методиках. К тому же эта проблема до такой степени неоднозначна и противоречива, что просто обречена быть в науке остродискуссионной.

ЛИТЕРАТУРА

Земсков В.И. Проблемы изучения и интерпретации сельского хозяйства и создания колхозно-совхозной системы в СССР. М., 2004. – 198 с.

Искендеров. Г.А. Аграрная политика в Дагестане в 20–30-е годы XX века и восприятие ее дагестанским крестьянством // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2004. № 3. С. 65–73.

История советского крестьянства. Т.1. Махачкала, 1986. – 302 с.

Красный Дагестан, 1929, 8 января.

Красный Дагестан, 1930, 9 января.

Красный Дагестан, 1931, 19 марта.

Отчет комиссии СНК ДАССР по обследованию аула в период 1927–1928 гг. // ЦГА РД. Ф. 127-р. Оп. 5. Д. 62).

ЦИК ДАССР за 1927 г. // ЦГА РД. Ф. 37. Оп. 9. Д. 21.

Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: «Наука», 1965. – 364 с.

Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917–1930-е годы) // Россия в XX веке, Т.1, М. «Наука», 2002, с. 103–114.

Отчет о хлебозаготовительной компании в горных районах республики за 1929 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д. 72.

Справка о наличии скота в округах // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 268.

Справка о хлебозаготовительной кампании за 1928-1929 гг. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д. 115.

Справка комиссии СНК ДАССР о работе в ауле в ходе заготовительных кампаний // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 10. Д. 72.

Справка сельхозотдела Обкома ВКП(б) о ходе коллективизации в республике // ЦГА РД. Ф. 428-р. Оп. 3. Д. 15.

Уведомление инструктора обкома партии о настроениях крестьянства весной 1929 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д. 48.